

Глава 7.

Смерть человека в философии постмодернизма

«Я люблю смотреть, как умирают дети», — написал однажды В.В.Маяковский. Потом ему приходилось объяснять мотивы появления таких строк — поэтической вольностью, эпатажем, условностью. С трудом ему их прощали, но многие — нет. Это осталось его моральной проблемой. В философии постмодернизма провозглашается «смерть человека». Его «деконструируют» и «элиминируют», что обосновывается развитием современной культуры и гуманитарного знания. Никаких ценностных аспектов и моральных проблем в таком теоретизировании не усматривается. Потому что его не связывают с жизнью, хотя на самом деле такой «не связи» не бывает. Она может быть прямой или косвенной, но рано или поздно проявится. Атомная бомба, как заметил М.Хайдеггер, взорвалась в трудах Парменида. И через две тысячи лет — в Хиросиме.

Думается, что теоретическое «умерщвление» человека, его устранение из познания и мышления предшествует его изгнанию из мира как такового. Постмодернистское теоретизирование, а оно фактически является финишной прямой, на которую вышла метафизика к концу XX в., можно считать предвидением вполне вероятных перспектив человечества. Вопрос в том, как к ним относиться. Если они печальны и неотвратимы — тогда хотя бы иметь мужество его оплакать и попроситься. «Умереть по-человечески». Если что-то можно изменить — тогда за человека стоит бороться. Нехорошо одно: делать вид, что слова не имеют значения, и от них ничего не происходит. Поэтому, для начала, постмодернистское теоретизирование надо демистифицировать, выявляя его скрытый смысл. Деконструкция сама нуждается в деконструкции. Бытийной, экзистенциальной.

Если говорить о динамике представлений о человеке в современном символическом универсуме, то начало XX в. не предвещало ему ничего плохого. Наоборот, происходило его возвышение, «центрация». Апофеозом значимости проблематики человека было формирование в 20-е гг. философской антропологии — дисциплины, которая стала претендовать на ста-

тус, единственно адекватный требованиям нового, неклассического философствования. Ее исходная установка в том, что философия человека составляет ядро любого мировоззрения. Философствование «по определению» есть следствие жизненного опыта человека, его прояснение и оправдание как для себя, так и для мира. «Человек — это в известном смысле все», — провозгласил М.Шелер.

Параллельно и, разумеется, не без внутренней связи, под влиянием революции в естествознании, человек вопреки традиционной метафизике вводится в познавательный процесс, сначала как наблюдатель, а потом превращается в деятеля, проектировщика и конструктора фактов. Так возникла неклассическая наука, модернистское искусство, предметно-техническая реальность как наша повседневная жизненная среда. Дело дошло до провозглашения так называемого «антропного принципа». Согласно ему, не будь людей, вся Вселенная была бы совершенно иной (если бы без них она вообще решилась быть). Микрокосм творит макрокосм, причина и следствие меняются местами.

В социальном плане была поставлена задача практической гуманизации человеческой жизни. Эту цель провозгласила и пыталась воплощать в жизнь марксистская коммунистическая идеология. При коммунизме человек впервые в истории должен был перестать быть средством решения каких-либо других, пусть благих и великих, вопросов и стать самоцелью развития. Труд, любовь, познание, творчество наполняют его бытие высшим смыслом. Это общество, в котором «свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех». Несмотря на неудачу в реализации этих великих идеалов, классическое сознание продолжает исповедовать гуманизм. На него ориентировано содержание «академической» философской антропологии, а также образовательных стандартов при ее преподавании. Вот как виделись, вернее, видятся, перспективы человека нашему современнику, официальному, а для многих и неофициальному авторитету, «главному антропологу» России, основателю и директору Института человека, академику И.Т.Фролову: «Приоритет человека и новый (реальный) гуманизм — так, я думаю, можно обозначить духовную парадигму, идеологию и политику XXI в.».

...Так теперь все это не так — рухнуло. Если, конечно, не оставаться в плену «классики», а следовать за развитием прогрессистской теоретической мысли, которая в настоящее время определяет себя как постмодернизм. Конкретнее, применительно к философии она выступает как «деконструктивистская». Ее суть в том, что впервые в истории человеческого духа провозглашается «смерть человека». Это credo постмодернизма или, если говорить его собственным языком — его брэнд. Подход настолько распространившийся, что уже закрепился в словарях и энциклопедиях. Правда, с самоназванием «новые». Например, в «Новейшей философской энциклопедии» (2-е изд., перераб. и доп., Минск, 2001) слову «Человек» уделена одна страница, слово «Личность» отсутствует совсем, в то время как «Смерти» с приложением к тому, что привычно считалось живым, отдано 12 страниц. Это что-нибудь да значит!

Значит то, что с постмодернистским движением и стремлением элиминировать человека как минимум надо считаться. Считаться как с чем-то принципиально противоположным философской антропологии и гуманизму. Многие считают, безоговорочно соглашаясь и рабски пересказывая чужие достижения в борьбе с человеком. Возникло и пополняется все новыми адептами течение трансгуманизма, открыто ставящее своей целью оправдать стремление современной науки «переступить через человека». Считаются прежде всего потому, что это «новое, прогрессивное» и, хотя бы оно было убийственным, оценивают его как хорошее и перспективное. «Скорость важнее направления» — повторяют безумный лозунг прогрессизма эти «философы». Если же считаться «в пользу человека», представлять интересы жизни, а не смерти, собственно человеческие, а не «иногие», то надо опираться не только на традицию, наследие метафизики, но и на анализ подобного рода нового, чтобы понимать, что в нем можно принять, а против чего надо разворачивать соответствующую аргументацию, причем умея ее применять на терминологическом поле противника, где «все переименовано»: вместо бытия — наличие, вместо мышления — фантазмы, вместо информационной реальности — текст, вместо смерти человека — деконструкция его идентичности и т.д. Остановимся на последнем — элиминации человека как глав-

ной цели постмодернизма, опираясь прежде всего на работы Ж.Деррида, в которых она конкретизируется как борьба с «этно-фалло-фоно-логоцентризмом».

Центризм здесь — признание наличия некоего принципа, цели, «точки сборки», вокруг которых организуется деятельность и чем детерминируется характер развития системы. Это фиксация иерархичности мирового устройства, метафорическим выражением которого является образ дерева, имеющего корни, ствол, ветви, листья. Все традиционное историческое мышление организовано и обладает смыслом — центрично. Этно-фалло-фоно-логоцентризм — выражение определенного качественного состояния, типа организации и уровней системно-иерархического представления реальности. Некий шифр ее качеств, который нельзя понимать буквально. Деконструкцию саму надо «деконструировать». Зашифрован и смысл борьбы с «квалиа» — качествами. Естественно, что каждая ее форма предполагает свои особенности. Их расшифровка — ключ к пониманию последствий деконструкции человеческой идентичности для современного символического универсума. И для самого бытия человека в предметном мире.

Будем двигаться по схеме выдвигания теле-скопического стержня.

Отвергается этноцентризм. Но это понятие относится не к какому-то отдельному этносу или культурам, а к человечеству в целом, определяя его как форму бытия, отличающуюся от других возможных форм. Все мы пока «этно». Оно является своеобразным аналогом «идолов рода» Ф.Бэкона, как бы второе имя человечества, выражающее его многообразие и в то же время универсальность. Борьба с этноцентризмом — это борьба с антропоцентризмом, отрицание человека в качестве культурно-исторического существа.

Отвергается фаллоцентризм. При поверхностном толковании он рассматривается как обозначение мужской субъектности и патриархального общества, а его критика — подарок-дань феминизму, находящему некое удовлетворение в распаде природо-генной ценностной иерархии: наконец-то все равны. Фактически же это символ любого человека как конкретного телесно-духовного феномена, обладающего полом, возрастом, ра-

совой и национальной принадлежностью. Генитально-центричное обозначение естественности людей, их включенности в биоту. Все мы пока «фалло», одни непосредственно субстратно, другие опосредованно функционально. Борьба с фаллоцентризмом — это борьба с телоцентризмом, отрицание человека в качестве живо(тно)го существа. Соотношение между понятиями этно- и фаллоцентризма сравнимо с соотношением понятий человека и индивида. Индивид — тоже человек, но с «определенным артиклем». В любом случае вопрос с этно-фаллоцентризмом можно считать решенным раньше возникновения постмодернизма. Он перестал стоять сразу после лингвистического поворота, да и идеализм рассматривает *cogito* преимущественно как бестелесное.

Фоноцентризм сопротивлялся дольше, ибо в речи он проявляется в образности и звукоподражательных словах в силу ее сцепления с характером своего носителя. Связь речи с жизнью людей незримо (беззвучно) присутствует при ее самом широком толковании, прорываясь и в язык, когда его берут не в виде абстрактных отношений и искусственный, а как естественно-социальный язык. Это предметное взаимодействие человека с миром. Как живой феномен человек «фонит», шумит, жестикулирует. Есть язык поз и движений, смеха и плача. Все мы пока «фоно», даже день и ночь сидящие в Сети. Борьба с фоноцентризмом — это борьба с эмпириоцентризмом, отрицание человека в качестве чувственного существа. И только в тексте, в отличие от говорения, тем более поведения, эмпирия сублимируется, наличие субстрата в нем приближается к «нулевой степени». В этом смысл сдвига в понятиях — от языка к тексту, происшедшего в ходе лингвистической революции XX в., в остальном мало чем друг от друга отличающихся. Отчуждаясь от человека, от автора и читателя, текст становится самодостаточным множеством (в свете деконструкции центризма сказать по привычке «системой» было бы недалеко). Однако не полностью. Эмпирии нет, но представительство «внешнего» сохраняется в виде организации, структуры, логики, обусловленной тем, что конкретный текст всегда о чем-то. Его содержание определяется отражением окружающего мира или, признавая тождество бытия и мышления, воспроизводит его структуру.

Книга Бытия так или иначе посвящена бытию. В этом ее принципиальный логоцентризм. И только если текст универсализируется, если книга Бытия превращается в бытие Книги, мы получаем право заявить о его преодолении, его замене чем-то другим, более сложным, приходящем ей на смену.

За ускользящую манеру высказываний, разрешение себе любых противоречий, софистическую подмену терминов недоброжелатели называют Ж.Деррида «лукавым», а особенно злые — фальсификатором. Это не всегда справедливо. У него есть поразительные по ясности положения, в которых значимо каждое слово, но они настолько необычны, революционны, что в них не хотят — боятся вдумываться. «Логоцентризм идет рука об руку с определенностью бытия сущего как наличности. Поскольку этот логоцентризм присущ и мысли Хайдеггера, постольку она остается в пределах онто-теологической эпохи, внутри философии наличия, т.е. философии как таковой»⁸⁸. Таким образом, логоцентризм есть следствие допущения бытия, включающего природу и бога, составляющего смысл философии наличия, которая есть до сих пор существовавшая философия и которую он опровергает вместе с логоцентризмом. И конечно вместе с «этно-фалло-фоно» (заодно можно лишний раз убедиться в неправомерности опоры постмодернизма на Хайдеггера). Лого(с)центризм — это в сущности Слово, мысль, сознание как выражение любого внешнего — природы, Бога и их философской рефлексии в виде эйдосов, монад, вещей в себе, прафеноменов и т.д. и т.п. Борьба с логоцентризмом — это борьба со словоцентризмом, отрицание человека в качестве мыслящего существа. Догадки насчет трактовки борьбы с логосцентризмом как борьбы с истиной поверхностны. Это борьба именно со словоцентризмом, со Словом, с языком. Естественным. С мышлением, каким до сих пор живет, обладает Homo sapiens. С sapiens ради Postsapiens как Gipepsapiens posthomo. Немыслимо. Если это правда, то она чудовищна. На ней и на том, куда она ведет, надо остановиться подробнее.

Избавиться от дурной привычки думать, рассуждать употребляя сразу или для закрепления результатов слова (сотни тысяч лет!) очень и очень тяжело. Однако приходится. В ключевой для генезиса мышления ситуации «стирания имен соб-

ственных» метафизическое сознание, боясь взглянуть в лицо своей печальной судьбе, услужливо подсказывает, что это другое название процессов отождествления и различия, обобщения и классификации, абстрагирования и конкретизации, т.е. обычная языковая практика овладения бесконечным многообразием единичного, и что под маской письма речь идет о том же Логосе. Тогда были бы понятны утверждения о первичности, безосновности, немотивированности письма. И можно облегчено вздохнуть, ибо благодаря малому оппортунистическому злу в виде отказа от постановки вопроса на полную глубину, удастся уйти от ответа за большое преступление против фактов истории, которые говорят (или «пишут»), что она в основном состояла из бесписьменных обществ. Вздохнуть прежде всего идеалистам, считающим, что в начале было «слово», которое тоже ничем не мотивировано. А опосредованно и тем, кто полагает, что хотя в процессе стихийной жизнедеятельности выделялись вещи, они по мере возгонки чувственных впечатлений в верхние этажи сознания «метились», обозначались, получали имя и становились предметами, которые и являются содержанием собственно сознания.

Это так и не так. Так, потому что в обоих случаях речь идет об основе, генезисе и формах овладения миром. В том и другом случае описывается механизм производства знания. Но миры — разные. Механизмы возникновения и способ функционирования знания — иные. Отождествление как обобщение приводит к формированию предметных образов и понятий, которые далее взаимодействуют по законам человеческой логики и психологии, обусловленных природой означаемого и означающего, т.е. «присутствием». Это мыслящее Бытие.

В грамматологии в основу знания кладется различие. С него начинается познание, сразу отталкивающееся от информационной реальности. Информация — мера разнообразия (Р.Эшби). След-отсрочка, черточка-промежуток открывают возможность обработки хаоса посредством бесчисленных комбинаций грамм безотносительно к присутствию. Они в нем не нуждаются. Это бытийствующая Мысль. Обработка хаоса есть его организация, образование порядка. Следовательно — рационализация. Рациональность — конечная цель чистого мышления. Но

она несоразмерна человеку, замкнута на себя и выходит за пределы его логики (формальной и «диалектической»), не говоря о том, что чисто логически этно-фалло-фоноцентричные существа не мыслят. Их рассуждения всегда обременяют чувства, образы, метафоры и прочие до-мысли, проистекающие из того, что мыслит материальное, живое, телесное существо. И нужна длительная привычка к игре словами без их содержательной связи с жизнью, чтобы бестрепетно вступить в ряды борцов с «ностальгией присутствия», Богом, субъектом, человеком и, в конце концов, Логосом, мыслью. Особой извращенности от мыслителя *ex professio* требует последнее. Отвергают жизнь и вещно-событийный мир в пользу информации, социальной реальности предпочитают «виртуальные конференции», действительное растворяют в возможном — все это в духе времени, в русле борьбы с этно-фалло-фоноцентризмом, замены онтологии нигитологией. Все это с точки зрения судьбы человека самоуничтожительно, но логично. Здесь логос, когда он чистый, абстрактный, «текстуальный» — помощник, ведь мысль — убийца сущего. В чем тогда она провинилась? За что по завершении деконструкции бытия требуют «принести в жертву смысл» и хотят казнить палача? Чем и кем предлагается ее/его заменить?

Пытаться поставить точки над «и» в деконструкции логоса — то же самое, как в сказках и мифах искать сокровище, спрятанное в подземелье, и путь к нему преграждают отвлекающие препятствия, западни и лабиринты. Хотя иногда оно при-открывается, поднимается близко к поверхности, бывая почти «у кожи» — момент, который нельзя пропускать. Такой случай предоставляет опять-таки Ж.Деррида в итоговом пассаже первой, специфически концептуальной части работы «О грамматологии». «Построение науки или философии письма — это необходимая и трудная задача... мысль для нас здесь — слово совершенно нейтральное: это пробел в тексте, по необходимости, неопределенное свидетельство наступающей эпохи различания. В широком смысле мысль здесь ничего не значит (*ne veut rien dire*). Как и всякая открытость, это свидетельство обращено своей гранью внутрь ушедшей эпохи. Эта мысль ничего не весит. В игре системных взаимодействий она есть именно то, что никогда ничего не весит. “Мыслить” — это значит починать эпистему резцом своего письма.

Если бы эта мысль осталась в пределах грамматиологии, она и поныне была бы замурована и обездвижена наличием»⁸⁹.

Попробуем пересказать данные направленные против мысли мысли с учетом обусловленности постмодернизма компьютерными науками и информационной философией.

Итак, речь идет о создании науки письма, т.е. грамматиологии, т.е. философии про-граммирования, программирования как миро-воззрения, «онтологии», отвечающей эпохе различания, т.е. господству информационной реальности. Подчеркивается, что в ней обычная человеческая мысль ничего не значит, не весит. «Не вещит» (!), ибо не имеет предметного референта, не отражает вещей. Она не слово и не понятие. Это игра системных, лучше бы сказать (перевести?) сетевых взаимодействий или коммуникация как субстанция, интернет-мышление как нечто отличающееся от человеческого. Оно еще впереди, но его надо починать (entamer). С этим «любимым глаголом Деррида» переводчики измучились, предлагая разные варианты: открывать, надрезать, запускать. Думается, что в контексте преодоления логоцентризма лучше перевести: «кликнуть». Клавиша, мышка, джойстик – вот «информационный резец», починающий (вызывающий) ту или иную программу (информационную реальность). В заключительном предложении итогового пассажа, как итог итога, Ж.Деррида выделяет курсивом половину (настолько это значимо) слова. Для решения задачи перехода от человеческого мышления к постчеловеческому он требует освободить грамму от оков логики «обездвиживающей ее наличием» (как это верно). Природа граммы другая – безналичная. Безбытийная! Надо избавиться от Логоса, от Слова. Стать мыслью после мысли. Постмышлением. Некой «внелогической рациональностью». Стать мыслью.

Действительно, информационно-компьютерное «мышление» не аналоговое. Не словесное. Оно – цифровое. Его язык, его новое тело – ПСС – позиционная система счисления. Это чистая математика, где счет есть модель любых серийных действий, где любая продолжающаяся деятельность редуцируется к проблеме повторения и исчисления. От LOGOSa к MATHESISy – фундамент и суть информационной революции, самая глубокая тайна, «последний секрет» постмодернизма.

Ниспровержение слова! Значение этого события трудно переоценить. Просто нет слов. Это тоже следствие (а может быть причина?) лингво-тексто-грамма-информационного поворота. Отрыва от «присутствия»=«наличия»=«бытия». Это выход за границу телесно опосредованного, двуполушарного, репрезентативно-семантического, диалектико-метафизического, т.е. словесного, т.е. естественного человеческого мышления. Евнух логоса, образовавшийся на заключительной стадии рационалистического оскопления духа, превращается в постмодернистский манекен, оснащенный цефаллоимитатором — симулякром мысли. Осуществляются «мысли о неммыслимом»: «мыслить без мысли о том, что мыслит человек» (М.Фуко). Это постмышление или постчеловеческая рациональность, язык и субстанция Искусственного Интеллекта. Борьба с Логосом нужна для утверждения Цифры, Топоса, дигитализации существующей и создания новых виртуальных и вообще постчеловеческих реальностей. Других миров. Борьба с этно-фалло-фоно-логоцентризмом (антропо-тело-эмпирио-словоцентризмом) есть борьба за утверждение техно-интелло-инфо-цифроцентризма. В ее контексте лозунг «смерти человека» выглядит не как эпатажирующая фраза, а добросовестно обоснованным. Это трансгрессия за пределы Dasein и Sein, Действительности и Бога. Прогресс перерастает в трансгресс, т.е. пересекает границу собственно человеческого бытия, и в таком случае постмодернизм целесообразно определять как трансмодернизм.

Но разве математическое отношение к миру не присуще человеку, не естественно для него? «В любой науке истины столько, сколько в ней математики» (классика рационализма). Да, если оно средство и орудие словесного, феноменологического, если, не претендуя на субстанциальность, подчинено логосу. В противном случае: «Для нас, математиков, сказать — это написать формулу или начертить диаграмму. Все остальное — словоблудие», — сказал как-то на конференции один видный носитель теоретического сознания. Давать ссылку где и когда — нет необходимости. Таково распространенное мнение многих ученых, а в математической среде оно — убеждение. Поскольку формулы и графики наилучшим образом удаются вычислительной технике, то их производство постепенно «уходит в маши-

ну», осуществляется «внутри», «за спиной» человека, включая получение нового знания, которое возникает в процессах коммуницирования в Сети. Без психики и ментальности. Без семантики. Без(с) смысла. Принимаемая в постмодернизме презумпция «жертвования смыслом» является отражением актуальной исторической тенденции жертвования мышлением. Торжествует иное мышлени(е)я. Мышление (постмодернизма). Информация. На долю людей все больше остается ее поиск, сортировка и «трансфер». Они попадают в обстоятельства, где все известно и где для достижения ответа достаточно правильно задать вопрос. Креативный универсум на/по/чинает функционировать как бы в параллельном измерении, а человек — это табло, на которое выводятся результаты безличной и внесловесной рациональной активности. «Смерть творца!» Старомодных живых творцов это беспокоит. Нобелевский лауреат по физике академик А.М.Прохоров перед смертью (прощальные беседы) сказал, что «Интернет несет гибель уму» и что нынешний характер познания его удручает. Он не говорил о «конце науки», но толки о нем возбуждаются именно подобным ходом событий. Постлогоцентристская наука воспринимается как постнаука. Для искренних сциентистов это удар из-за угла поистине ниже пояса (по голове). Они думали, что им грозит жизнь, любовь, духовность, а тут трагическая диалектика настигла сам чистый логос, когнитивное знание: «явление само развивает в себе элементы, которые его погубят» (Г.Гегель). Хотя не все так мрачно. «Ученые готовы воплотить в неорганическом материале принципы, на которых работает человеческий мозг и научить его делать то, что человек не умеет или не хочет. И правильно. Пусть нейροкомпьютер думает над нашими проблемами — он железный. Нейрокомпьютер не только снимает с человека бремя мыслительной деятельности, но и помогает ему познать самого себя»⁹⁰.

Не должно быть никаких шуток насчет того, что автор уже сбросил с себя непосильное ему бремя мыслительной деятельности или что это проявление его персонального идиотизма. Все гораздо серьезнее. Он воспроизводит идеи и планы участников VIII Всероссийской конференции «Нейрокомпьютеры и их применение» (Москва, 2002). От логоса к матезису! Вслед

за Интернетом и искусственным интеллектом логоцентристское научно-теоретическое мышление идет на убыль в среде их создателей и пользователей. Не говоря о трансцендентном, феноменологическом, экзистенциальном. Людей все меньше занимают цели, смыслы и ценности, отдаленные последствия собственной деятельности. Главное — действовать. Чтобы вычислять. И вычислять, чтобы действовать.

Из «фабрики мысли» университеты превращаются в «фабрики информации», а лучше в универсамы по ее рекламе и продаже. В «предпринимательские университеты», куда принимать тоже лучше через ЕГЭ-тестирование: не рассуждайте, а выбирайте (уму непостижимо, сколько пришлось потратить сил, чтобы пробить сопротивление этой реформе консерваторов от образования. Они все еще думают, что студенты должны «думать»; а есть фундаменталисты, которые до сих пор твердят, что школа должна воспитывать и развивать личность).

Говоря грубо, мы глупеем. Не эмпирически, а структурно, по характеру отношения к миру. Но в силу самой природы глупости мы этого не замечаем. Провозглашая идеалом, высшей целью потребительского развития современной цивилизации комфорт, «удобство для жизни», человечество тем самым признает, что готово глупеть: это облегчает жизнь. Его технологизированному миллиарду угрожает прямая деградация до состояния рая: «невыносимая легкость бытия». Недобытие. Пустое — невесомо. Странное на первый взгляд утверждение М.Хайдеггера «наука не мыслит» сбывается как повседневность. Хотя не мыслит — по-разному. Если фундаментальное познание под подозрением в избыточности, отраслевые исследования ставятся под сомнение фактом их компьютеризации, то философию едва терпят, и то в качестве служанки науки. Есть люди, социальные группы, у которых когда-то высокоценяемая мудрость вызывает мозговую аллергию и вместо философии как любви к мудрости они исповедуют фобософию — ненависть к ней. С этого починается (entamer) общая логика постмышления, в конце которой, правда, опять появляется логика: «сетевая». Но чтобы не запутаться в ее сетях, целесообразнее, по-видимому, говорить об информационно-сетевой рациональности как оптимальной форме функционирования технологических систем и

сетей. Их самих. Об авторациональности. Рациональность может быть всякой, в том числе безментальной, постчеловеческой. Собственно человеческая рациональность — продукт его жизненного мышления, обусловленности «наличием». Она, в конечном счете, — словесно-логическая, «телесная». По бытию. И в этом смысле — «по определению». Нужна логодицея!

Сохранение Логоса — последний рубеж обороны человека от превращения в нечто иное. Его можно удержать при условии сохранения естественной среды обитания людей в целом, их вещно-событийного мира и «этно-фалло-фоноцентричной» идентичности. Это значит, что концептуально его необходимо сопровождать защитой философии и ее ядра — философской антропологии от экспансии постмодернистского элиминативизма. От замены гуманизма трансгуманизмом и гуманологией. Мировоззренческим ориентиром любого современного философствования, если оно еще хочет оставаться человеческим, должна быть Антроподицея.